

Если прежде у Линь Ци и оставалась хотя бы тень сомнения в Ду Чэнъине, то в эту ночь она окончательно рассеялась. Масштаб личности был несопоставим: даже если бы Ду Чэнъин действительно стал демоном, он никогда не опустился бы до столь дешёвых и подлых уловок.

Сделав несколько глубоких вдохов, Линь Ци медленно отстранился от своего спутника.

— Прости, брат. Я потерял самообладание.

— Всё в порядке, — Ду Чэнъин мягко погладил его по спине. — Что бы ни случилось, я никогда не стану смеяться над тобой.

Внезапное искажение привычного сюжета застало Линь Ци врасплох. Раньше ему достаточно было лишь послушно следовать по узловым точкам заданий, оставаясь в этом малом мире сторонним наблюдателем, безучастным к происходящему. Но теперь, когда привычный путь скрылся в тумане неизвестности, он чувствовал, что всё глубже и глубже погружается в эту реальность.

Тот недавний страх... он был настоящим.

— Всё уже позади, — мужчина склонился к нему, заметив, что юноша всё ещё бледен и растерян. — Теперь я не отступлю от тебя ни на шаг.

Линь Ци отвернулся, чувствуя, как внутри всё сжимается от сложной гаммы чувств. Ему было невыносимо стыдно за свои недавние подозрения.

— Не бойся, я буду просто рядом, — Ду Чэнъин, неверно истолковав его взгляд, с горечью добавил: — Я не посмею...

— Я вовсе не это имел в виду! — Линь Ци порывисто перебил его, схватив за рукав. На бледном лице от волнения проступил слабый румянец. — Брат, я знаю, что ты не такой человек. Клянусь, я никогда не думал о тебе плохо.

Ду Чэнъин пристально смотрел на юношу, и в его памяти вновь всплыл миг их первой встречи. Те ладони, что пробились сквозь пелену тумана и коснулись его иссохшего сердца... С того дня его мир обрёл тепло и краски. Линь Ци всегда появлялся в самые тёмные, самые безнадёжные мгновения, даруя утешение, на которое Ду Чэнъин даже не смел надеяться.

Старший соученик молча накрыл ладонь Линь Ци своей. Пальцы обоих были влажными от пота. Пытаясь сохранить голос ровным, он тихо спросил:

— Почему твои руки такие холодные?

— Испугался, — Линь Ци неловко улыбнулся.

— Я уже отправил духовную бабочку в погоню, — Ду Чэнъин достал из широкого рукава платок и принялся бережно вытирать холодный пот с ладони юноши. В его глазах бушевал вихрь скрытых эмоций. — Признаться... я тоже очень испугался.

Увидев Линь Ци на постели — бледного, страдающего, с напряжённо застывшими жилами на шее, — он ощутил, как его собственное сердце на миг перестало биться. Он низко опустил голову, коснувшись лбом ладони Линь Ци, и едва слышно пробормотал:

— Второго раза я просто не вынесу.

Его слова звучали бессвязно, но Линь Ци всё понял.

Только в этот миг до него наконец дошло: его смерть в объятиях Ду Чэнъина была для него лишь завершением очередного задания, тогда как для самого Ду Чэнъина она стала незаживающей, мучительной раной.

Осознав это, Линь Ци резко отдернул руку, пытаясь избежать близости.

— Ещё ночь... можно немного отдохнуть.

Мужчина ещё какое-то время оставался в согбенной позе, прежде чем медленно выпрямиться.

— Спи, — произнёс он как ни в чём не бывало. — Я буду здесь, посторожу твой сон.

Линь Ци отвернулся к стене, глядя в тёмную пустоту. В голове его воцарился полный сумбур.

«Это всего лишь малый мир, ты здесь по заданию, Линь Ци! — пронеслось в его мыслях. — Неужели ты забыл? К чему эти чувства, к чему этот бешеный стук сердца...»

Ду Чэнъин и в самом деле был к нему добр. Слишком добр.

В прошлой жизни Линь Ци поддержал его, спас ему жизнь, нашёл для него Водяного Циляня... Он бесчисленное количество раз заботился о своём старшем соученике, когда тот был ранен, и защищал его от нападков и злословия толпы. Да, он сделал немало.

Но если отбросить роль «координатора» и взглянуть на события непредвзято, становилось ясно: Ду Чэнъин отплатил ему сторицей, отдав всё, что у него было.

«Брат... — на изборождённом шрамами лице тогда сияла робкая улыбка, когда он протягивал изящный мешочек. — Это я добыл во время испытаний. Возьми»

«Брат, это рог, который сбросил Уся. Оставь себе»

«Брат, у подножия горы зацвёл гибискус. Может, сходим посмотрим?»

Почему Линь Ци всегда закрывал на это глаза? Потому что считал, что они принадлежат разным мирам. Потому что был убеждён: Ду Чэнъин в конце концов станет высшим божеством, и всё пойдёт по заложенной колее. Он знал, что обязан уйти, и поэтому с самого начала не позволял себе чувствовать.

Оказалось... он и впрямь был очень жестоким человеком.

— Что случилось? — Ду Чэнъин склонился над ним, заметив, что Линь Ци, закусив губу, беззвучно плачет. Потеряв покой, он мягко похлопал юношу по спине и нахмурился: — Снова морок?

— Нет, всё хорошо, — Линь Ци шмыгнул носом и прикрыл глаза рукой. — Просто вспомнил кое-что.

Тот промолчал. Ему нестерпимо хотелось обнять юношу, но он лишь осторожно убрал прилипшую к его щеке прядь волос.

— Не думай слишком много. Всё пройдёт.

От этих слов слёзы Линь Ци потекли ещё сильнее.

Обманывать чьи-то чувства — горько. Но обманывать того, кто любит тебя всем сердцем — невыносимо.

Он наконец понял смысл слов наставника: «Если координатор позволит себе чувства в малом мире, он обречён».

Это было просто невозможно — оставаться безучастным.

Линь Ци больше не мог лгать самому себе. Ду Чэнъин не станет величественным богом с благополучным финалом. Он падёт и станет демоном. И всё это — из-за Линь Ци.

Ду Чэнъин не выдержал: он крепко обнял юношу, прижав его мокрое от слёз лицо к своей груди, и принялся безмолвно гладить его тёмные волосы. Уся запрыгнул на кровать и выпустил

облако дыхания Жёлтых источников.

Окутанный этим успокаивающим туманом, Линь Ци наконец погрузился в тревожный сон. Ему казалось, что он вернулся в реальный мир: маленький парк, где он кормит огромного белоснежного кота... В этом сне ему было так спокойно и легко, точно тяжкий груз наконец спал с его души.

Ду Чэнъин облегчённо вздохнул. Он уложил юношу поудобнее. На бледном лице Линь Ци застыли дорожки слёз, а в чертах всё ещё читалась детская обида. Мужчина с нежностью улыбнулся. Он осторожно провёл тыльной стороной ладони по его щеке, а затем, склонившись, запечатлел невесомый поцелуй на его закрытом веке.

На следующее утро Линь Ци обнаружил, что Уся свернулся клубочком прямо у него на голове. Мягкий животик зверя мерно вздымался во сне. Линь Ци ожидал, что после ночных слёз проснётся с тяжёлой головой, но, к его удивлению, он чувствовал себя необычайно бодрым. Стоило ему открыть глаза, как Цилинь тоже проснулся, спрыгнул на кровать и пару раз звонко мяукнул.

Юноша подхватил его и пару раз погладил по спине.

— Хорошо спалось?

— Неплохо, — раздался чистый, спокойный голос.

Рука Линь Ци замерла. Он обернулся и посмотрел на Ду Чэнъина.

Сегодня на том был белоснежный халат, вид он имел бодрый, а на губах играла непринуждённая улыбка.

— А тебе, брат?

— Я... мне тоже, — Линь Ци был совершенно сбит с толку таким поведением. Ду Чэнъин вёл себя так, будто прошлой ночью ничего не произошло.

Старший соученик подошёл к кровати.

— Пора вставать. Я полагаю, нам стоит осмотреться здесь, в окрестностях, прежде чем идти в Хуаюань. Что скажешь?

— Я тоже так думаю, — сухо отозвался Линь Ци.

Ду Чэнъин наклонился и забрал Уся из рук юноши.

— Жду тебя снаружи.

Линь Ци окончательно растерялся. Неужели всё, что было ночью, ему просто привиделось?

Когда он вышел, то увидел в дверях лишь широкую спину Ду Чэнъина. Тёмный пояс подчёркивал его статную, высокую фигуру. Облик его — благородный и величественный — невольно заставлял сердце трепетать; даже со спины он выглядел исключительным человеком. У его ног покорно сидел Уся, преданно глядя на хозяина снизу вверх.

Как ни посмотри, картина была на редкость притягательной.

Ду Чэнъин обернулся на звук открывшейся двери. Его лицо озарилось тёплой улыбкой.

— Идём.

Днём городок Юэлу казался пугающе тихим. Людей на улицах почти не было, редкие лавки, что ещё работали, стояли пустыми. При этом Линь Ци не чувствовал ни капли демонической ауры.

Он вспомнил слова спутника о духовной бабочке, отправленной по следу ночного демона.

— Бабочка вернулась? — спросил он.

— Пока нет, — коротко ответил Ду Чэнъин.

Линь Ци нахмурился.

— С чего бы вдруг такие перемены?

Силы демонических культиваторов всегда были скрыты, как они могли так внезапно окрепнуть, что нарушили покой даже у самого подножия горы Лунной Росы?

Они шли плечом к плечу. Плечо Ду Чэнъина то и дело задевало плечо Линь Ци. Заметив беспокойство юноши, мужчина мягко произнёс:

— Не тревожься так сильно.

«Как я могу не тревожиться?» — подумал Линь Ци. Сюжет этого мира становился всё более непредсказуемым. Человек, стоящий рядом с ним, был единственным, кто мог спасти этот мир, но в нём не было ни капли того самопожертвования, что положено главному герою.

— Брат, кажется, ты совсем не переживаешь, — поколебавшись, Линь Ци всё же высказал свои мысли.

— Переживаю я или нет, факты налицо, — спокойно отозвался Ду Чэнъин. — Для меня достаточно и того, что я могу защитить то, что мне дорого.

Линь Ци замер на месте.

Тот прошёл ещё пару шагов и, заметив, что юноша отстал, тоже остановился. Он обернулся и посмотрел на Линь Ци.

В этот миг юноша окончательно осознал, что такое уровень озлобления в сто единиц.

Предназначенному судьбой спасителю мира было глубоко плевать на этот самый мир.

Взгляд Ду Чэнъина оставался тёплым; всякий раз, когда он смотрел на Линь Ци, в его глазах читались лишь безграничная нежность и терпение, точно он готов был принять юношу со всеми его достоинствами и недостатками.

— Что такое?

— Ничего, — Линь Ци облизал пересохшие губы. — Я... просто хочу пить.

Тот усмехнулся. Линь Ци так и не освоил искусство пигу, и Ду Чэнъина это вполне устраивало.

— Найдём место, где можно присесть и выпить чаю.

— Не стоит, дела важнее, — Линь Ци убрал руки за спину, его взгляд стал холоднее.

Они обошли весь городок, но так и не нашли ни следа демонов. Было решено продолжить путь на запад, к землям клана Линь.

Когда начало темнеть, Линь Ци не захотел делать привал.

— Пойдём ночью. Я выдержу.

Однако Ду Чэнъин был против:

— Спешка сейчас ни к чему.

Он настоял на возвращении в гостиницу, заказал еду и воду. Чтобы не смущать Линь Ци, он устроился у окна и замер, глядя вдаль и стараясь казаться как можно незаметнее.

Такое поведение Ду Чэнъина всё больше пугало Линь Ци. Он то и дело бросал косые взгляды на его силуэт в полумраке. В конце концов, потеряв надежду разобраться сам, он позвал Систему.

К его удивлению, та отозвалась почти мгновенно:

[Что случилось?]

Линь Ци облегчённо выдохнул.

«Кажется, я понял, что значит «сто процентов озлобления»»

[...Ты только сейчас это понял?! И ради этого меня отвлекли от шоу? Какая досада]

«Кажется, он больше не собирается спасать мир...»

[Разумеется, не собирается. Давно уже. Всё, чего он хочет — это жена, духовный зверь и тёплая постель]

«...»

[Даю подсказку: посмотри, как он относится к другим. Или как другие относятся к нему. Кому, кроме тебя, он хоть раз улыбнулся? Твои старшие соученики хоть слово лишнее смеют ему сказать?]

«...»

Кажется, так оно и было... Сяо Мо всегда вёл себя с Ду Чэнъином настороженно и даже с опаской.

[Всё его дружелюбие направлено только на тебя. А уровень озлобления — на всех остальных. Теперь понятно?]

Линь Ци не нашёл слов. Он смотрел на спину мужчины у окна и не знал, что и думать.

[Дорогой пользователь, мой совет — попробуй смягчить его любовью. Данные по этому вопросу всё ещё доступны, хочешь взглянуть?]

В этот момент Ду Чэнъин внезапно обернулся и встретился взглядом с Линь Ци. Он едва заметно улыбнулся:

— Еда не по вкусу?

Линь Ци медленно положил палочки на стол и, набравшись храбрости, произнёс:

— Брат, нам нужно поговорить.

Тот не шелохнулся.

— О чём?

Слова застряли у Линь Ци в горле. Он не знал, с чего начать.

— Лучше поговорим об этом!

Раздался глухой удар, точно снаружи на землю рухнуло что-то тяжёлое. Ду Чэнъин в мгновение ока оказался перед Линь Ци, заслоняя его собой.

— Кто здесь?! — ледяным тоном выкрикнул он.

Дверь распахнулась от мощного порыва ветра. На пороге в лунном свете возникла высокая фигура в развевающихся одеждах. Человек стоял в центре клубящейся тьмы; в его пальцах трепетала хрупкая духовная бабочка. Она едва шевелила крыльями, точно умирая в мучениях.

— Совершенный Мастер Баошу? — Линь Ци потрясённо вскочил с места.

На мрачном лице Совершенного Мастера отразилась целая гамма сложных чувств. Он вперил острый, как клинок, взгляд в человека, закрывающего собой Линь Ци, и произнёс, чеканя каждое слово:

— Ду Чэнъин. Ты слишком меня разочаровал.

<http://bllate.org/book/15815/1423570>